ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1979

БЛАГОВА Г. Ф.

О ПРИНЦИПАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКСКИХ ТЕКСТОВ

Историческое изучение тюркских языков, которое долго сосредоточивалось главным образом на инвентаризации отдельных языковых явлений разных уровней в средневековых текстах, с одной стороны, а с другой — на периодизации истории старописьменных тюркских языков, в последние годы ознаменовалось поисками новых путей, а вместе с тем — многими удачами и находками, обеспеченными, прежде всего, системным подходом к анализу материала (здесь должны быть упомянуты в первую очередь работы С. Н. Иванова, Э. А. Груниной, Д. М. Насилова, В. Г. Гузева, И. В. Кормушина, Х. Г. Нигматова и др.).

В настоящее время можно с полным правом говорить также о становлении в этой отрасли тюркологии нового направления, опирающегося на функционально-стилистический подход к языку средневековых текстов; плодотворность такого подхода с ясностью определилась в широко проводимых изысканиях на материале славянских, романских и германских языков. Э. Р. Тенишев, исследовав большой материал стилистически окрашенной лексики, различные типы готовых формул, обнаружил наддиалектный характер языка памятников древнетюркской руники и предложил функционально-стилистическую характеристику древнеуйгурского литературного языка; этими работами положено начало исследованию типологии древне- и среднетюркских литературных языков[1]. Д. М. Насилов стремится учитывать функционально-языковые и социолингвистические факторы при рассмотрении памятников древнеуйгурского языка как объекта исторической грамматики тюркских языков; по его мысли, именно учет названных факторов должен способствовать более четкому разграничению проблем истории литературных языков и собственно исторической грамматики тюркских языков [2].

Новое направление лингвоисторических разработок в тюркологии как раз исходит из признания на деле особности истории литературных языков, с одной стороны, исторической грамматики отдельных тюркских языков, с другой. О том, что без подобного разграничения не может быть достигнут решающий прогресс в соответственных отраслях тюркского языкознания, говорилось уже не раз. Без такого разграничения не может быть поставлен и решен вопрос: какая роль должна быть отведена языко-

[1] Э. Р. Тенишев, О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников, сб. «Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова», Л., 1976; его же, Функционально-стилистическая характеристика древнеуйгурского литературного языка, сб. «Социальная и функциональная дифференциация литературных языков», М., 1977; его же, Исследование типологии древнетюркских литературных языков, «Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему „Теоретические проблемы восточного языкознания"» [ИВ АН СССР], М., 1977; его же. Языки древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте, ВЯ, 1979, 2 (далее — Тенишев, 1979).

[2] Д. М. Насилов, Памятники древнеуйгурского языка как объект исторической грамматики тюркских языков, «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР», Алма-Ата, 1976, стр. 188.

вым свидетельствам памятников древней и средневековой тюркской письменности при создании исторической грамматики отдельных тюркских языков и при сравнительно-исторических исследованиях грамматики тюркских языков? При решении этого вопроса на материале средневекового тюркского литературно-языкового наследия должны быть учтены исторические соотношения не только литературного языка и языка художественной литературы, но также языка конкретного текста («язык писателя») и языка литературы изучаемого периода [3]. Сейчас уже становится очевидным, что не все языковые факты, извлекаемые из средневековых тюркских текстов, обладают одинаковой доказательной силой при реконструкции тюркской грамматической системы в разные периоды ее истории, далеко не все могут быть в равной мере использованы при построении периодизации развития того или иного общенародного тюркского языка, поскольку часть таких фактов оказывается обусловленной самой принадлежностью к литературному языку.

Литературный язык, по словам Л. В. Щербы, «хотя и находится с „общим" в определенных функциональных отношениях, имеет, однако, свою собственную сложную структуру» [4]. Целесообразно поэтому разграничивать как методические приемы, так в известной мере и объекты изучения для исторической грамматики отдельных тюркских языков и для истории литературного языка. Вместе с тем, самостоятельный интерес представляет вопрос о стилеобразующих потенциях тюркской морфологии; соответственно речь может идти о вычленении предмета изучения исторической грамматической стилистики.

Морфология средневековых тюркских текстов изучалась комплексно: мы стремились сочетать при этом системный и жанрово-стилистический подходы. В каждом из обследуемых текстов изучались совокупности взаимосвязанных системообразующих форм, которыми передается в нем та или иная грамматическая категория, в данном случае склонение. На основе внутрисистемных соотношений этих форм, при учете места каждой из них в системе склонения, а также их облигаторности — необлигаторности, регулярности — нерегулярности определялся тип склонения, представленного в тексте. В этой связи вводится понятие «базисная система склонения» изучаемого текста. Это структурно упорядоченная совокупность форм склонения, которые связаны между собой регулярными соотношениями и которые не испытывают каких бы то ни было ограничений в своем употреблении, количественно преобладая в данном тексте. Не укладываются в базисную систему склонения, оставаясь за пределами ее соотношений, необлигаторные и нерегулярные инодиалектные и архаические падежные формы, которые при низкой своей частотности варьируют те или иные формы базисной системы склонения.

Жанрово-стилистический подход к анализу морфологии конкретных текстов подразумевает необходимость дифференцированного обследования морфологии разножанровых текстов средневековья. В связи с жанрово-дифференцированным изучением грамматической системы по памятникам вводятся понятия «текстовое распределение» изучаемой формы, «текстовое ограничение» в употреблении любой такой формы.

На материалах различных литературных языков, в том числе и тюркских, давно уже продемонстрирована специфичность поэтического языка с его богатой вариантностью форм. В нашем случае это важно иметь в виду потому, что целые периоды (особенно ранние) средневековой тюркской

[3] См.: В. В. Виноградов, О языке художественной литературы, М., 1959.
[4] Л. В. Щерба, О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, в его кн.: «Языковая система и речевая деятельность», Л., 1974, стр. 31.

литературы представлены по преимуществу поэтическими жанрами. В силу такого большого веса средневековых тюркских поэтических текстов возникла необходимость в специальном методическом приеме для обработки их языка. Такой прием, реализующий в себе сочетание системного и жанрово-стилистического подходов, предлагается называть приемом расслоения средневековых поэтических текстов. В качестве предварительной необходимой ступени исследования прием расслоения включает в себя филологическую интерпретацию употребления круга изучаемых грамматических форм в любом средневековом тюркском тексте.

Цель применения приема расслоения поэтических текстов двоякая. Во-первых и прежде всего, вычленить стилистически нейтральный языковой слой — тот самый, формы которого, по словам Л. В. Щербы, составляют значительнейшую часть языковой ткани любого литературного произведения [5]. Как правило, эта стилистически нейтральная и количественно преобладающая часть материала и составляет «базисную грамматическую систему»; ее формы в памятниках, принадлежащих одному историческому периоду, одному региону — юго-восточному, обычно не испытывают текстовых ограничений и могут считаться узуальными для литературного языка этого периода.

Вместе с тем, прием расслоения помогает выделить литературно обусловленное варьирование грамматических форм и, прежде всего, определить инодиалектный слой форм, гетерогенных по отношению к базисной микросистеме. Наряду с литературной обусловленностью (чаще всего — требованиями ритмико-метрической организации стихового текста) такие инодиалектные формы характеризуются как ограничениями в их количественном распределении (внутри одного памятника), так и текстовыми ограничениями.

Применительно к группе текстов прием расслоения дополняется жанрово-дифференцированным сопоставлением их языковых показаний. Признается целесообразным вначале сопоставлять в языковом отношении тексты, происходящие из одного региона и принадлежащие одному историческому периоду, строго придерживаясь жанрового признака. Такому сопоставлению подлежат цельные грамматические микросистемы, предварительно изученные в языке каждого из сопоставляемых текстов с помощью приема расслоения. Естественно, при этом в каждом тексте учитываются специфические соотношения между формами, составляющими эти микросистемы.

В том случае, когда от данного исторического периода сохранились тексты разных жанров, вовлечение их в изучение станет эффективным при условии, если жанрово-дифференцированное сопоставление будет многоступенчатым, а сопоставление одножанровых текстов будет включено в него как одна из начальных ступеней обследования [6].

При опоре на совокупность названных приемов может быть осуществлена комплексная обработка языка средневековых тюркских текстов. Суть ее состоит в том, что лингвистическое изучение текстов при учете их жанровой дифференциации ведется сразу по нескольким направлениям, а именно: историческая грамматика отдельных тюркских языков, история литературного языка, историческая грамматическая стилистика; материалы, добытые таким путем при обследовании одного текста (или: группы текстов), непосредственно распределяются по этим трем смежным дисциплинам.

[5] Л. В. Щ е р б а, указ. соч., стр. 269.

[6] Ср. «перекрестный анализ» языка средневековых литературных произведений (Р. И. А в а н е с о в, К вопросам периодизации истории русского языка, «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов», М., 1973, стр. 18).

Вопрос о том, соответствует ли действительности такое распределение по названным дисциплинам тех данных, которые извлечены из одного текста, остается актуальным даже в случае, когда изучаемый памятник обладает степенью репрезентивности, достаточной, казалось бы, для адекватной оценки языковых показаний [7]. Решению этого вопроса как раз и помогает системное жанрово-дифференцированное сопоставление. Проиллюстрируем сказанное конкретным анализом.

Для XI в., например, к жанрово-дифференцированному сопоставлению привлекалось склонение, как оно представлено в этико-дидактической поэме Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» и в поэтических фрагментах «Дивану лугат ит-турк» (Словаря) Махмуда Кашгарского [8].

Материалы Словаря весьма разнообразны, и об их происхождении высказывались противоречивые мнения. С. Е. Малов, например, называл поэтические фрагменты Словаря «кашгарскими песнями» и относил их к «уйгурско-кашгарскому фольклору» [9]. И. В. Стеблева, опираясь на мнение В. В. Бартольда о том, что среди стихов «Дивана» есть несомненные образцы придворной поэзии, доказала, что эти стихи написаны «разнообразными метрами аруза с большей или меньшей погрешностью в них» [10].

В своем сопоставлении мы исходим из того, что как в поэтических фрагментах Словаря, так и в пословицах с поговорками и прозаических примерах, используемых Махмудом Кашгарским в качестве иллюстративного материала, представлены формы обработанного языка — будь они литературными или же устно-литературными. Высокая степень обработанности, наддиалектный характер языка фольклора со всей очевидностью были показаны в специальных исследованиях. Сопоставительный анализ иллюстративных материалов Словаря Махмуда Кашгарского подтверждает тот факт, что язык устных произведений любых жанров в XI в. возвышался над резкими местными диалектными особенностями (первичными диалектными признаками, по В. М. Жирмунскому). Именно в силу высокой степени лингвистической обработанности фольклорных произведений любых жанров, вплоть до пословиц и поговорок, между их языком и литературным языком изучаемого периода нельзя провести резкой грани. Эти соображения о характере обработанности языка устного народного творчества могут быть аргументированы уже и тем, что в тюркоязычной письменной литературе различных жанров (сначала поэтических, а впоследствии также и прозаических), начиная, по крайней мере с XI в., средневековыми авторами, например, Юсуфом Баласагунским, Ахмадом Югнаки, Алишером Навои, Захир эд-Дином Мухаммедом Бабуром, широко использовались народные пословицы и поговорки.

При аргументации положения о том, что между языком фольклорных произведений и языком письменной литературы XI в. нельзя проводить резкой грани, следует также обратить внимание еще на одно немаловаж-

---

[7] См.: М. М. Гухман, Н. Н. Семенюк, О некоторых принципах изучения литературных языков и их истории, ИАН СЛЯ, 1977, 5, стр. 444.

[8] R. R. Arat, Kutadgu bilig. — Metin, Istanbul, 1947 (далее — КВ I); Маҳмуд Кошғарий, Девону луғотит турк. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов, Тошкент, I—1960, II—1961, III—1963, Индекс-луғат [IV]—1967 (далее: МК I—IV). См. описания языка названных памятников: Э. Тенишев. Указатель грамматических форм к «Дивану тюркских языков» Махмуда Кашгарского, «Труды Института языка и литературы АН КазССР», 3, 1963; Т. А. Боровкова, Грамматический очерк языка «Дивану лугат-ит-турк». АКД, Л., 1966; К. Каримов, Категория падежа в языке «Кутадгу билиг». АКД, Ташкент, 1962.

[9] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.— Л., 1951, стр. 306, 313.

[10] И. В. Стеблева, Развитие тюркских поэтических форм в XI веке, М., 1971, стр. 7, 22.

ное обстоятельство. Дело в том, что образцы фольклора в Словаре предстают не только в письменной фиксации, но также, скорее всего, и в письменной обработке составителя этого уникального труда, известного в свое время знатока современных ему тюркских языков и диалектов, в том числе и литературного языка (türkī ḫāqānī) [11]. Если применить к фольклорным записям Махмуда Кашгарского критерии соавторства, выработанные Д. С. Лихачевым на материале древнерусских рукописей [12], то окажется, что составителя этого уникального раннесредневекового Словаря можно с полным правом рассматривать как соавтора сосредоточенных в нем иллюстративных материалов.

Путем сопоставления наборов падежных форм в «Кутадгу билиг» и в поэтических фрагментах Словаря производится спецификация соответствующей грамматической категории в поэтическом языке XI в. Во-первых, определяется базисная система склонения.

Для поэтического языка XI в. в качестве базисной системы склонения выделяется структурно выдержанная совокупность следующих регулярных по своему употреблению признаков: 1) падежные форматив с консонантическим началом — род. п. *-niŋ*, вин. п. *-ni*, дат. п. *-ka/-ga* — как в именной, так и в посессивно-именной парадигмах и независимо от того, на гласный или согласный оканчивается склоняемое имя; 2) наличие инфикса *-n-* в дат., местн. и исх. падежах посессивно-именной парадигмы 3-го лица.

Благодаря этому последнему признаку обеспечивается противопоставление посессивно-именной парадигмы 3-го лица именной парадигме. Такое соотношение парадигм при общем выравнивании по признаку облигаторности консонантических формативов род., вин., дат. падежей (для дат. падежа 3-го лица регулярным является морфемосочетание *-n-ga*) характерно для уйгурско-кыпчакского типа склонения. Кроме того, к базисной системе склонения XI в. могут быть отнесены: 3) инстр. падеж на *-°n*; 4) исх. падеж на *-din*; 5) сильно развитая полифункциональность местн. падежа на *-da*; 6) что касается именного аккузатива на *-°g*, то отнесение его к базисной системе склонения более проблематично, поскольку он занимает различное место в языке разных памятников XI в.

Во-вторых, путем сопоставления «Кутадгу билиг» и поэтических фрагментов Словаря подтвердилась литературная обусловленность набора так называемых огузских падежных форм: вин. падежа *-i*, род. падежа *-°ŋ*, дат. падежа *-a*. Все они необлигаторны и нерегулярны, причем каждая из них имеет индивидуализированные ограничения в своем парадигмном распределении не только по текстам, но и в пределах одного текста. В совокупности они составляют инодиалектную систему огузских падеж-

[11] Подтверждением тому, что письменная обработка фольклорных примеров могла производиться Махмудом Кашгарским совершенно непреднамеренно, служит самый факт варьирования пословиц и поговорок, которые приводятся в Словаре в качестве иллюстративных примеров. Так, трижды в Словаре приведена пословица, в которой всякий раз дается разное дополнение к глагольной форме *tutmas*: *alyn arslan tutar kūčin ujuq* (*kösgük/syčgan*) *tutmas* МК I 110_9 (II 334_{29}/III 419) «Хитростью ловят льва, силой не взять и пугала (чучела/мыши)». Особенно показательны полный и краткий варианты нижеследующей пословицы: *atasy anasy ačγγ almyla jesä oγly qyzy tyšy qamar* МК III 28_{8-9} «Родители кислые яблоки-то едят, [а] у детей на зубах оскомина набивается» и *atasy ačγγ almyla jesä oγlynyŋ tyšy qamar* МК II 360_{11} «Отец кислые яблоки-то ест, [а] у сына на зубах оскомина набивается». Наличие одного и того же вторичного (по В. М. Жирмунскому) диалектного признака (*almy-la* «яблоки») в обоих вариантах пословицы может свидетельствовать о том, что здесь мы имеем дело не с «областным» варьированием ее состава, но с результатом цитирования пословицы составителем Словаря по памяти.

[12] Д. С. Лихачев, Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв., М.— Л., 1962, стр. 57 и сл.

ных форм. Как в «Кутадгу билиг», так и в поэтических фрагментах Словаря (в этом последнем случае — с заметно меньшей частотностью), названные огузские формы варьируют соответствующие падежные формы базисной системы. Дело в том, что в каждой паре таких вариантов оказываются представлены разные типы ритмических окончаний; за счет такого варьирования обеспечивалось приспособление тюркского языкового материала к арабо-персидской метрике аруз. К тому же, в результате взаимодействия регулярных форм базисной системы склонения и гораздо более редких варьирующих их огузских падежных форм, создается своего рода поле стилистического напряжения. Огузские падежные формы обладают здесь известными стилеобразующими потенциями («поэтическая приподнятость») и наборы таких форм в любом из рассматриваемых памятников можно с полным основанием отнести к числу стилеобразующих морфологических признаков поэтического языка XI в.

В-третьих, именно благодаря тому, что при сопоставлении внимание было сосредоточено на текстах разных поэтических жанров, были получены некоторые неодинаковые по памятникам результаты, касающиеся самого характера употребления отдельных форм — аккузатива на -°*g*, напр. падежа на -*γar*, наличия или отсутствия своеобразных ограничений в функционировании каждого из них по текстам. Удалось заметить, что обе названные формы могут обладать известными стилеобразующими потенциями, которые по памятникам проявляются далеко не одинаково. В самом деле, только в «Кутадгу билиг» наблюдается употребление словоформ аккузатива на -°*g* в составе рифмы, словесных клише и в устойчивых сочетаниях. Только в «Кутадгу билиг» отмеч на возможность для местоименной словоформы напр. падежа *munγar* «этому» выступать в готовых формулах типа *munγar meŋzetü ajdy ša'ir bu söz* КВ I 104 В 73_{887} «Уподобляя этому, поэт сказал таково слово». Такое специфическое функционирование названных падежных форм именно в этой поэме может быть объяснено за счет индивидуально-творческой манеры ее автора Юсуфа Баласагунского, поскольку в поэтических фрагментах (равно как, впрочем, и в других группах материала) Словаря таких особенностей в использовании этих форм не встретилось.

Таким образом, жанрово-дифференцированное сопоставление, сочетающееся с приемом расслоения поэтических текстов, не только позволяет осуществить объективную проверку данных, полученных при анализе одного текста, и обобщить их до уровня принадлежащих поэтическому языку XI в. Уже на этой первой ступени сопоставления становится возможным наряду с двумя слоями, вычлененными посредством приема расслоения (стилистически нейтральная базисная система склонения и литературно обусловленный набор огузских падежных форм), выделить третий слой. Это индивидуально-творческий слой, как можно его назвать вслед за В. В. Виноградовым. Для этого слоя в XI в. использовались чаще всего формы, видимо, не вполне обычные для обиходного языка автора того или другого текста (можно предположить, что, например, именной аккузатив на -°*g* не был свойствен идиолекту Юсуфа Баласагунского, а напр. падеж на -*γar* воспринимался им как архаизирующаяся форма).

Самая возможность творчески индивидуализированного использования таких форм демонстрирует достаточно высокие стилеобразующие потенции тюркской морфологии в разные исторические периоды. Таким образом, историческая грамматическая стилистика и история литературного языка соответствующего периода оснащаются вполне конкретным материалом, полученным благодаря использованию приема расслоения поэтических текстов и путем жанрово-дифференцированного сопоставления.

Вторая ступень жанрово-дифференцированного сопоставления подразумевает выход за пределы одного жанра, хотя анализ по-прежнему ограничивается рамками того же исторического периода и того же (юго-восточного) региона. Перейти к этой второй ступени для XI в. стало возможным, привлекая к сопоставлению, после предварительного раздельного их обследования по жанровому признаку, такие группы разнородного иллюстративного материала Словаря Махмуда Кашгарского, как пословицы с поговорками, прозаические примеры, в которых запечатлены разные варианты обработанного языка. Наддиалектный характер фольклорного языка пословиц и поговорок усугублен письменной фиксацией и вполне вероятной письменной обработкой их в Словаре (см. об этом примеч. 11). Относительно прозаических фразовых примеров в Словаре высказывались достаточно аргументированные мнения, что они сконструированы самим Махмудом Кашгарским для иллюстрирования заглавного слова (или: словоформы) некоторых словарных статей [13]; следовательно, и они принадлежат обработанному, скорее всего — литературному языку, знатоком которого был их автор.

Сопоставление заранее специально препарированных показаний текстов, принадлежащих к различным жанровым группам, призвано, прежде всего, верифицировать полученные выше результаты. На второй ступени жанрово-дифференцированного сопоставления для XI в. стало очевидно, что стилистически нейтральная базисная система склонения является общей не только для поэтической разновидности, но и для литературного языка в целом (шире — для обработанного языка) этого периода.

В том случае, когда стилистически нейтральная базисная система склонения с присущими ей межпарадигмными соотношениями вполне регулярно совпадает в разножанровых текстах, являясь общей для всех вариантов литературного языка изучаемого периода, она может быть с наибольшей долей вероятия принята за отражающую опорный диалект этого языка. На этом основании с точки зрения исторической типологии близкородственных языков названная базисная система склонения может поддаваться сопоставлению с соответствующей микросистемой того или иного из живых тюркских языков (диалектов) юго-восточного региона. В случае принципиального совпадения обеих сопоставляемых систем и при благоприятствовании исторических и социолингвистических ситуаций данные памятники могут быть использованы при построении исторической грамматики соответствующего живого языка. Так, базисная система склонения XI в. поддается сопоставлению с живым сарыг-югурским склонением, составляющим полную аналогию ей по всем признакам (особенно это очевидно для склонения в «Кутадгу билиг»). Если учесть, что, по мысли Э. Р. Тенишева, язык сарыг-югуров, этого ответвления древних уйгуров, в древности был «такого же типа, как и древнеуйгурский литературный *d*-язык, естественно, с некоторыми диалектными отличиями» [14], то, очевидно, базисная система склонения XI в. может стать непосредственным объектом изучения исторической грамматики сарыг-югурского и некоторых близкородственных тюркских языков юго-восточного региона.

---

[13] «Введение» к кн.: «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. VII; см. также: Х. Г. Нигматов, Некоторые особенности тюркских авторских примеров в «Диване» Махмуда Кашгари, «Советская тюркология», 1972, 1.

[14] Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка, М., 1976, стр. 55—65, 165, 166. Э. Р. Тенишев указывает на возможность реконструировать средневековый обиходно-разговорный уйгурский язык, «опираясь на часть литературного языка, свободную от архаизмов, ... и привлекая материал диалектов современного уйгурского языка и языка родственных уйгурам сарыг-югуров» (Тенишев, 1979, стр. 83).

В целях исторической грамматики к сопоставлению с данными живых тюркских языков (диалектов) следует привлекать показания средневековотюркских текстов только при условии, если они предварительно препарированы с помощью приемов расслоения и многоступенчатого сопоставления, т. е. если выявлены опорные признаки базисной морфологической системы литературного языка изучаемого периода и отделены литературно обусловленные инодиалектные формы.

Таким образом, уже в пределах одного исторического периода союз исторической грамматики с историей литературного языка и с исторической грамматической стилистикой, при условии применения достаточно строгой методики и комплексной системы лингвистического описания средневековых текстов, оказывается весьма плодотворным: одна дисциплина помогает другой найти объект изучения и достаточно четко очертить его границы, а это, в свою очередь, позволяет осуществить строгую специализацию каждой из названных дисциплин.

Прием расслоения, как и многоступенчатое жанрово-дифференцированное сопоставление, применимы для анализа различных текстов любого исторического периода. Именно этими приемами было изучено склонение в поэтических и прозаических текстах юго-восточного региона второй половины XV — начала XVI вв.

Для этого периода, считающегося классическим в чагатайской литературе, характерно небывалое прежде развитие жанров светской литературы — как поэтических, так и прозаических. Совмещение самых разных жанров в творчестве двух выдающихся писателей этого времени — Алишера Навои и Захир эд-Дина Мухаммеда Бабура — позволяет реализовать еще одну ступень жанрово-дифференцированного сопоставления. В лингвистическом отношении сопоставляются не только одножанровые сочинения обоих писателей, но также разножанровые, поэтические и прозаические сочинения в творчестве каждого из них поочередно. Благодаря именно жанрово-дифференцированному сопоставлению внутри творчества одного автора представляется уникальная возможность снять допускаемые индивидуально-творческие различия при противопоставлении языка поэзии и прозы. Таким образом, многоступенчатое системное жанрово-дифференцированное сопоставление в руках историка языка становится гибким и эффективным инструментом анализа, открывающим богатые возможности для адекватной интерпретации получаемых показаний.

Таким путем была установлена, прежде всего, структурно выдержанная совокупность стилистически нейтральных форм, вполне регулярных, не знающих никаких текстовых ограничений. Для этой совокупности форм, квалифицируемой как базисная система склонения литературного языка рубежа XV—XVI вв., характерны следующие признаки, распространяющиеся как на именную, так и на посессивно-именную парадигмы: 1) формативы с консонантическим началом — род. падеж *-niŋ*, вин. падеж *-ni*, дат. падеж *-qa/-γa* — присущи обеим парадигмам, а регулярное их употребление не зависит от фонетических условий ауслаута склоняемого имени; 2) отсутствие инфикса *-n-* в локальных падежах посессивно-именной парадигмы 3-го лица. Таким образом, ни по одному из названных признаков посессивно-именная и именная парадигмы не противопоставляются друг другу. Подобное соотношение названных регулярно употребляющихся признаков характерно для карлукского типа склонения, который представлен в живых новоуйгурском и узбекском языках. Из других признаков базисной системы склонения рубежа XV—XVI вв. назовем: 3) отсутствие инстр. падежа на *-°n*; 4) исх. падеж на *-din*; 5) частичная полифункциональность местн. падежа на *-da*; 6) отсутствие именного аккузатива на *-°g*.

Формы базисной системы склонения, выделенные из текстов рубежа XV—XVI вв. путем предлагаемой методики, могут рассматриваться в рамках исторических грамматик узбекского и новоуйгурского языков.

Наряду с этим вычленен литературно обусловленный слой инодиалектных падежных форм, употребление которых в названный период падало главным образом на сочинения поэтических жанров. Эти падежные формы, свойственные поэтическому варианту письменно-литературного языка рубежа XV—XVI вв. (А. Н. Самойлович назвал их «огузско-туркменскими» [15]), мы считаем конвергентными, огузско-кыпчакскими. Набор таких форм приходился, в основном, на посессивно-именную парадигму 1—2-го лица ед. числа и 3-го лица, т. е. на ту часть парадигматики, которая особенно заметно отличает карлукский тип склонения как от огузского, так и от кыпчакского. Отражение кыпчакских черт в чагатайском языке приобрело актуальность начиная с 20-х годов XV в., когда кочевые узбеки-кыпчаки стали грозной политической силой для тимуридского Мавераннахра. Произошедшая конвергенция кыпчакских и традиционных огузских падежных форм способствовала усугублению эффекта наддиалектности литературного языка.

Как и в XI в., инодиалектные формативы представляли здесь иные ритмические типы окончаний, нежели их соответствия в базисной системе склонения; эти различия использовались, главным образом, в целях метрической организации стиха. Набор инодиалектных падежных форм для поэтического языка рубежа XV—XVI вв. принципиально отличается от такого набора, вычлененного выше для поэтического языка XI в. Прежде всего, на рубеже XV—XVI вв. такой набор был весьма ущербен и охватывал, в основном, локальные падежи посессивно-именной парадигмы (во всяком случае, вовсе не встретился вокалический форматив вин. падежа *-i*, а форматив род. падежа *-ᵒŋ* употреблялся весьма избирательно, а именно с местоимениями 1 и 2-го лица мн. числа). Это, во-первых, форматив дат. падежа *-a* в посессивно-именной парадигме 1—3-го лица ед. числа; очень редко он попадался здесь и в именной парадигме. Во-вторых, это наличие инфикса *-n-* в локальных падежах посессивно-именной парадигмы 3-го лица: в дат. падеже образуется морфемосочетание *-n-a*, частотность которого невысока; в местн. падеже — сочетание *-n-da*, частотность которого намного выше, чем у *-n-a*; в исх. падеже — сочетание *-n-din*, которое встречается в единичных случаях — гораздо реже, чем *—n-a* или *-n-da*, причем *-n-* в названных формах появляется «только по требованию размера» [16]. Инфикс *-n-* в названных условиях в языке XI в. занимал принципиально иное положение: он был одним из характернейших признаков базисной системы склонения, причем здесь налицо ⌈морфемосочетание *-n-gä* для дат. падежа вместо инодиалектного *-n-a*.

Отдельные из инодиалектных падежных форм изредка использовались Алишером Навои в прозаических сочинениях высокого стиля — как одно из средств, образующих этот стиль. Однако в целом эти формы не были специфичны для прозаического варианта письменно-литературного языка рубежа XV—XVI вв.; в частности, они совсем не встречаются в «Бабур-наме», принадлежащем среднему стилю. Будучи обусловлены в прозе индивидуально-творческой манерой Навои, эти формы составляют индивидуального-творческий слой прозаического варианта ⌊литературного языка рубежа XV—XVI вв.

[15] А. Н. Самойлович, Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV. Чагатайский поэт XV в. Атаи, «Записки Коллегии востоковедов», II, 2, Л., 1927, стр. 262.

[16] А. Рустамов, Некоторые падежные особенности языка Навои, «Лингвистический сборник», Ташкент, 1971, стр. 46.

Естественно, что формы как инодиалектного, так индивидуально-творческого слоев составляют, прежде всего, объект истории литературного языка, с одной стороны, и исторической грамматической стилистики, с другой. Для целей исторической грамматики, призванной реконструировать исторические состояния того или иного общенародного языка, инодиалектные формы не подходят как обусловленные, прежде всего, литературными факторами. К ведению истории литературного языка и исторической стилистики должны быть отнесены также способы сочетания таких форм со стилистически нейтральными формами базисной морфологической системы языка в каждый изучаемый исторический период.

В свою очередь, базисная грамматическая система литературного языка изучаемого периода в силу того, что именно в ней мог отражаться тот обиходный народный язык (или: опорный диалект), на который был ориентирован письменно-литературный язык в данный период и на данной территории, оказывается пригодной для исторической грамматики того или иного тюркского языка.

Так, при комплексном (системном и жанрово-стилистическом) подходе для каждого из разнородных языковых элементов оказывается возможным найти наиболее целесообразный аспект анализа. В результате ни один из лингвоисторических фактов, особенно ценных для историка языка, не исключается из такого специализированного рассмотрения, и достигается это более четким разделением сфер изучения. Последовательное расслоение языковой ткани как поэтических, так и прозаических текстов средневековья, т. е. вычленение, с одной стороны, стилеобразующих морфологических признаков и прочих литературных напластований, а с другой — признаков базисной системы языка, как раз способно существенно продвинуть разработку проблемы соотношения исторической грамматики и истории литературного языка. При таком подходе может быть получена и надежная основа, например, для решения спорного вопроса о содержании и взаимоотношении терминов «чагатайский язык» и «старо-узбекский язык».

Применительно ко второй половине XV — началу XVI в. предлагается закрепить термин «староузбекский» за явлениями, которые на основе предлагаемой комплексной методики квалифицируются как относящиеся к базисной системе обиходного народного языка (диалекта) того времени; Бабур указывал, что это была речь населения города Андижана. Преобладание форм базисной системы в языковой ткани соответствующих сочинений свидетельствует о закрепленной трудами Навои и Бабура смене диалектной ориентации литературного яыка, по С. Е. Малову: от δ-языка — к *j*-языку [17]. Староузбекские элементы в литературном языке этого периода, разумеется, можно опознать не только в склонении; предстоит путем тщательного анализа выявить остальные черты базисной системы, прежде всего, в области глагола и особенно спрягаемых глагольных форм [18]. Как показали наблюдения, в прозаической разновидности литературного языка (особенно в прозе Бабура) вес староузбекских элементов намного выше, нежели в поэтическом языке, продолжавшем сохранять

[17] С. Е. Малов, Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии, ИАН СЛЯ, 1947, 6, стр. 478, 480.

[18] О распределении фактов морфологии литературного языка рубежа XV—XVI вв. на принадлежащие базисной системе языка и на инодиалектные, относящиеся преимущественно к поэтической его разновидности, см.: Г. Ф. Благова, О характере так называемого «чагатайского» языка конца XV в., сб. «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960. Это распределение производилось и другими методами, о чем см., например: Ш. Шукуров, Староузбекский и современный узбекский литературные языки, «Советская тюркология», 1972, 1.

традиционную смешанность разнородных вариантных форм. Именно выявленные черты базисной системы обиходного языка второй половины XV — начала XVI вв. могут рассматриваться исторической грамматикой узбекского языка.

Термин «чагатайский» предлагается отнести не только к литературно обусловленным инодиалектным фактам, но также к самим принципам и способам сочетания их с фактами базисной системы, что и дает в сумме среднеазиатско-тюркский (чагатайский) литературный язык рубежа XV—XVI вв. Вряд ли стоит включать в историческую грамматику узбекского языка, равно как и в периодизацию его развития, например, инодиалектные формы как в склонении, так и в других разделах морфологии [19]; это факт истории литературного языка и исторической стилистики. Вряд ли узбекскому языку в его историческом развитии были свойственны и многие глагольные формы, отличающие литературный язык XV — начала XVI в. от узбекского языка. Однако подобные формы следует не «исключать» из рассмотрения как «диалектизмы и архаизмы, либо заимствования из других тюркских языков» [20], но квалифицировать в качестве тех фактов литературного языка названного периода и исторической стилистики, которые не имеют отношения к исторической грамматике узбекского языка (т. е. это — элементы чагатайские, а не староузбекские в составе литературного языка). При таком подходе нет нужды объявлять подобные языковые факты «второстепенными» — они и не могут быть таковыми, являясь важными составными ингредиентами истории литературного языка, а в ряде случаев — и исторической стилистики.

Если лингвистическая обработка средневековых тюркских письменных памятников будет последовательно и тщательно производиться с помощью достаточно строгой методики (фактор, которому акад. А. Н. Кононов придает особо важное значение в дальнейшем развитии тюркского исторического языкознания [21]), появится возможность оснастить собственно языковым материалом периодизацию истории старописьменных тюркских языков и тем самым несколько сбалансировать слишком явный перевес экстралингвистических факторов в существующих периодизациях этих языков.

[19] Ср.: Ғ. А б д у р а ҳ м о н о в, Ш. Ш у к у р о в, Ўзбек тилининг тарихий грамматикаси, Тошкент, 1973, стр. 36—47; Ф. А б д у л л а е в, Ўзбек тили тарихини даврлаштириш масаласига доир, «Ўзбек тили ва адабиёти», 1977, 4, стр. 28—29. Нецелесообразность включения таких элементов была отмечена Ш. Шукуровым (указ. соч., стр. 93—94, 96).

[20] Перечень таких явлений см.: Ш. Ш у к у р о в, указ. соч., стр. 94—95.

[21] А. Н. К о н о н о в, Современное тюркское языкознание в СССР. Итоги и проблемы, ВЯ, 1977, 3, стр. 17, 25.